

Маэстро Колобов впервые получил свой дом

Год завершается красивым аккордом: один из самых знаменитых, но бездомных театров Москвы — «Новая опера» — обрел собственное здание. Праздником его открытия в историческом для российского искусства саду «Эрмитаж» были ознаменованы также 400-летие оперы и последний в году триумф 850-летней Москвы.

Валерий КИЧИН, «Известия»

Стало уже тризмом отмечать, что все незаурядные московские свершения этого года стали возможны благодаря энергии и амбициям мэра Юрия Лужкова. Амбиция, когда в мирных целях, вещь отличная; благодаря амбициям Третьякова Россия имеет свою лучшую картинную галерею, амбиция Дягилева породила миф о русском балете, амбиции Лужкова выстроили в один принудительный ряд возрожденный храм Христа Спасителя, кошмары Церетели и вот этот театр, который вполне готов стать символом возрождающегося искусства России.

Здание, возведенное югославскими строителями по проекту Владимира Котельникова, сохраняет очертания легендарного Зеркального театра-сарая, только теперь в эти простейшие контуры вселилась дивная фантазия из зеркальных стекол, мраморных маршей и бронзовых решеток. Легкий налет корабельного стиля, отчего-то сделавшийся модным в новой архитектуре «порта пяти морей», придает фойе сходство с кают-компанией океанского лайнера, а водяной каскад при входе в буфет обещает вполне детские чудеса из какого-нибудь «Цветочка аленького». Москва подтверждает свою репутацию города Великой Электрики — может, это и неплохо.

Строительство театра — воплощение давней мечты создателя «Новой оперы» Евгения Колобова. Может быть, завершение главного дела его жизни. А также его (и нашей общей) драмы.

Вдумаемся. Одна из самых ярких творческих натур и лучший оперный дирижер России только теперь, спустя десятилетия, получил свой театр, с крышей, залом, оркестровой ямой и сценой. Весь его путь, который в любой стране был бы усыпан цветами, стал иссушающей борьбой за этот театр.

Его всемирная слава началась еще в 70-х, когда Свердловская опера привезла на гастроли в Москву «Силу судьбы» Верди, воплощенную Колобовым впервые в России. Этот спектакль, полный и мудрости и молодой экзотисмы, поражал абсолютной свободой обращения мастера с великой партитурой, их отношениями «на равных», музы-

ка шедевра словно бы заново рождалась здесь и сейчас. Свердловский спектакль и сейчас остается одним из лучших достижений Евгения Колобова.

В Петербурге, в Кировском театре Колобову открыли роль дирижера сугубо балетного, т.е. прикладного. Он делал свое дело замечательно, но синтетический жанр оперы ему так и не доверили: там уже был один хозяин, еще одного гения не требовалось. Московский ГАБТ, уже тогда хронически страдавший от отсутствия адекватного его славе музыкального руководства, хранил гордое молчание. В театре имени Станиславского и Немировича-Данченко, напомнимшем оброчий ракушками доисторический корабль, нового дирижера приняли холодно, труппа резко поделилась на сторонников и противников неистового провинциала, а сам возмутитель спокойствия месяцами жил в гостинице, не имея не только преданного его идеям театра, но и крыши над головой.

Судьба таланта, даже такого мощного, в России всегда была вверена великому в руки случая, так вышло и на этот раз: Колобов был представлен Юрию Лужкову. Тогда и возникла идея «Новой оперы», идея почти безумная: самый дорогой жанр из всех существующих в театральном искусстве требовал жертв. Возникновение бродячей оперы, не имеющей ни кола ни двора, но воспитавшей первоклассный оркестр, восхитительный хор и собравшей вокруг себя множество талантливых молодых певцов, — одно из типично российских чудес.

«Новую оперу», при всем создающим образующим ее дарованиям, можно считать театром одного дирижера. Когда нет за пультом Колобова, уходит нечто важнейшее, составляющее главную притягательную силу этого театра — магнетизм синопичного, на наших глазах свершающегося творчества. Невероятной траектории его дирижерской палочки, нефтяная, гибкая пластичка его кузнечикоподобной фигуры излучают музыку сами по себе, она каждый раз словно рождается заново, и мы ее, насколько знакомую, потрясенно слышим впервые. С Чайковским, Верди или Россини Колобов вступает в абсолютно полнопроводное соавторство — но не в

том вульгарном понимании, которое заставляет обвинять дирижера в отсоединении. Это диалог одной великой души с другой, он свершается в каких-то высших сферах, и, оказавшись его свидетелем, вдруг понимаешь, отчего такое искусство называли — божественным.

Новый театр спешили открыть непременно до Нового года — ведь это был, напоминаю, заключительный аккорд юбилейной церемонии Москвы. Открывшись, он тут же закрылся — до весны, а может, и до нового сезона: впереди еще много работы по доводке здания (главным образом, его закулисной части) и по его освоению; есть еще проблемы с акустикой, в зале ощущаются звуковые провалы и «мертвые зоны».

Огромной трудности работа предстоит по приспособлению старых спектаклей к новым условиям. Величие колобовского «Онегина», к примеру, возникло частично и в борьбе с обстоятельствами: теснота кинозала на Таганке заставила разместить оркестр и хор на многих уровнях, на антресолях и даже под потолком — но это и стало открытием, равным закону всемирного тяготения. Создало волшебный эффект нашего существования внутри музыки; голоса солистов, хора, духовых и струнных блуждали в пространстве, подобно призракам, и это была магия, обычным залам неподвластная.

Режиссура в «дирижерском театре» Колобова всегда была одним из его слабых мест: в сценических решениях ощущались и вынужденный аскетизм передвижных трупп, и даже подчас сбой вкуса. Теперь вопрос о режиссуре неизбежно встанет во весь рост, а для полного театрального успеха, соразмерного успеху музыкальному, потребуются, в идеале, и равноправное сотрудничество мастеров двух дружественных театральных тейков. Первые попытки создать такой союз уже заложены в новых планах театра. Обещают «Бориса Годунова» в режиссуре Валерия Беляковича и даже «Гамлета» Амбруаза Тома в постановке Александра Сокурова.

А пока московский Бомонд и с ним миллионы телезрителей наслаждались гала-концертом в честь второго рождения «Новой оперы». Вечере приняли участие все звезды театра, а также его именитые гости — Лятва Бурчуладзе, Дмитрий Хворостовский и солисты нью-йоркской «Эбони-оперы». Подтверждает новый театр пришли коллеги из многих коллективов Москвы и Петербурга, ему дарили картины и скульптуры, преподнесли огромного рыжого котла для уюта и дирижерскую палочку из слоновой кости лично для маэстро. И только соборать по оперному искусству из Большого театра и Театра имени народных артистов Станиславского и Немировича-Данченко хранили все то же молчание.